

“Чистый воздух и сон - вот что нужно для красоты”

тоже было море впечатлений. Например, меня очень сильно удивляло, что перед уроками все дети вставали и молились на немецком языке: “Боже, дай мне, чтобы я не ленилась и хорошо училась”. Советским детям сказали, чтобы мы не вставали и не молились, и предупредили об этом учителей. Первые два дня я молиться не вставала и краснела как рак от смущения, потому что все на меня косились. А потом начала вставать и вместе со всеми чита-

ла молитву. Правда, папе об этом не сказала, боялась его реакции, но и комфортной обстановкой в классе тоже дорожила. Вот и пришлось идти на невинный обман.

А еще у нас была нянька, шведка по национальности, которая тайком водила меня с сестрами в церковь. Помню, она повела нас на конфирмацию в католическую церковь. Уже в России у нас была русская няня, которая тоже тайком приобщала нас к церкви. Однажды

вышел курьезный случай: я рассказывала отцу выученный с няней стих про бога-творца, где последние строки были такими: “Его на работу творец послал, уж день золотой настал”. Слово “бог” в стихе не произносилось, но и так было понятно, кто подразумевается под словом “творец”. И вот мой папа, убежденный коммунист, спрашивает меня: “И кто же этот творец? Кого ты имела в виду?” Нянька с перепугу говорит: “Товарища Сталина, конечно!” Я оценила ее юмор и стала хохотать. Папе же было совсем невесело.

В Россию мы переехали в 1933 году и поселились в знаменитом Доме на набережной. В квартире у нас бывали многие известные люди: Ромен Роллан, Немирович-Данченко, Борис Ливанов, и мне нравилось наблюдать за ними. Тогда мне запомнилась моя встреча со Сталиным. Конечно, я не понимала, что он какой-то очень особенный, вождь и все такое. В моем детском сознании он остался как добрый взрослый.

Дело происходило на авиационном параде в Тушине, куда отец взял нас с сестрой. Я сразу узнала некоторых взрослых из товарищей папы, рядом стояли Ворошилов, Каганович, Андреев. За спинами взрослых мне не было видно, что происходило на поле, и вдруг слышу голос с сильным кавказским акцентом: “Что же это вы такие большие встали и не даете маленьким девочкам посмотреть? Это дочка Аросева?” Люди расступились, а к нам шел невысокий мужчина в солдатской шинели и фуражке - это и был Сталин.

Он взял меня и сестру за руки и провел в первый ряд. Сталин много шутил с нами, потом подарил мне букет

цветов, который ему вручила парашютистка. У Сталина, видимо, в тот день было хорошее настроение, он охотно разговаривал, называл меня, девятилетнюю девочку, на “вы”, а в довершение этого, узнав, что я родилась 21 декабря, сказал, что у нас с ним день рождения в один день, и предложил отпраздновать вместе. Самое смешное в том, что я не забыла о его приглашении, и, когда наступило 21 декабря, ничего не сказав отцу, купила красивый цветок в горшке, красиво его упаковала и отправилась в Кремль. У ворот меня, естественно, остановила охрана и на мои объяснения, что я пришла к Иосифу Виссарионовичу, страшно переполошилась, начала куда-то звонить. Потом с улыбкой мне объяснили, что товарищ Сталин очень занят и не может встретиться со мной, но подарок они ему передадут.

До 1937 года мы с сестрами учились в немецкой школе на Кропоткинской, там было много детей иностранных коммунистов, политиков, о родителях у нас не принято было говорить. К 37-му году все чаще стали арестовывать родителей наших одноклассников, вскоре арестовали и моего отца, и мне все казалось, что произошла ошибка и отец скоро вернется. Мы стали жить с мамой, так как ее не тронули, ведь она не жила до этого с нами, а с папой находилась в разводе. После ареста папы из школы на Кропоткинской пришлось уйти. А через два года мне предложили вступить в комсомол, но я должна была отречься от отца. Я сказала, что отречься от папы не буду, и в комсомол не вступила. Много раз мне предлагали поменять фамилию, взять псевдоним, но я отказывалась от

